

ТОВОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНА ВѢДОМОСТІ.

№ 20.

22 мая 1916 г.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ОЧЕРЕДНОЕ СЛОВО.

Поученіе въ день Преображенія Господня.

О свойствахъ истинной молитвы.

Господь нашъ Иисусъ Христосъ не одинъ разъ предсказывалъ своимъ ученикамъ, что для спасенія людей Онъ долженъ пострадать, умереть и въ третій день воскреснуть. Во время его страданій и смерти ученики Его могли поколебаться въ томъ убѣжденіи, что Онъ есть истинный Богъ. Чтобы этого не случилось, чтобы утвердить учениковъ въ вѣрѣ въ Себя, какъ Сына Божія, убѣдить ихъ въ томъ, что страданія и смерть, какія ожидаютъ Его въ Іерусалимѣ, Онъ приметъ не по необходимости, а добровольно, по любви къ роду человѣческому, для спасенія людей отъ грѣха, проклятія и смерти, Онъ восхотѣлъ показать имъ Свою Божественную Славу. Для этого Онъ взялъ трехъ любимыхъ учениковъ Своихъ Петра, Іакова и Іоанна и возшелъ съ ними на гору Ѡаворъ. Возшедши на вершину горы, Онъ сталъ молиться, а ученики Его отъ утомленія заснули. И вотъ, когда Иисусъ Христосъ молился, лицо Его просіяло, какъ солнце, а одежды сдѣлались бѣлы, какъ снѣгъ. Въ славѣ небесной явились къ Нему древніе пророки Моисей и Илія и бесѣдовали съ Нимъ о предстоящихъ Ему страданіяхъ и смерти.

Предъ окончаніемъ бесѣды, когда Моисей и Илія уже готовы были отойти опять на небо, ученики пробудились отъ сна и съ удивленіемъ смотрѣли на чудный видъ Господа и на двухъ мужей, стоявшихъ съ нимъ. Смущенные и притрепетные, они не знали, что сказать. У одного только Петра разверзлись уста, но говорилъ ими не умъ, а сердце. Замѣтивъ, что Моисей и Илія хотятъ отойти, онъ, не желая такъ скоро разстаться съ ѳаворскимъ блаженствомъ, воскликнулъ: „Господи! хорошо намъ здѣсь быть; если хочешь, сдѣлаемъ здѣсь три палатки: Тебѣ одну, и Моисею одну, и одну Иліи?“ Когда онъ говорилъ это, свѣтлое облако покрыло учениковъ, и слышенъ былъ изъ облака голосъ Бога Отца: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе, Его слушайте“. Ученики испугались и пали на землю. Иисусъ Христосъ подошелъ къ нимъ и сказалъ: „Встаньте, не бойтесь!“ Когда они встали, то никого уже не видали, кромѣ Иисуса Христа, Который былъ въ прежнемъ Своемъ видѣ.

Такъ совершилось преславное Преображеніе Господа нашего Иисуса Христа на горѣ ѳаворѣ, которое мы нынѣ празднуемъ.

Братіе-христіане! Преображеніе Господа нашего Иисуса Христа, происшедшее во время молитвы Его на горѣ ѳаворѣ, безъ сомнѣнія, событіе чудесное, Божественное, но, если вы читали когда-нибудь житія святыхъ угодниковъ Божіихъ, то, конечно, припомните, что, при всей Божественности настоящаго чуда, нѣчто подобное происходило и въ жизни святыхъ. И они иногда во время молитвы казались окруженными небеснымъ свѣтомъ, и все тѣло ихъ принимало видъ прославленный. Напр., въ житіи преподобнаго Іоаннікія Великаго повѣствуется, что сей святой мужъ имѣлъ обыкновеніе уходить на молитву въ церковь въ небогослужебное время и тамъ въ полномъ уединеніи совершать свое правило. Ученикъ преподобнаго блаженный Евстратій, желая душевной пользы себѣ, давно искалъ случая видѣть уединенную молитву своего учителя, но это ему никакъ не удавалось. Разъ однакожь онъ успѣлъ незамѣтно войти за нимъ въ храмъ и сталъ въ темный уголъ, а св. Іоаннікій, не подозрѣвая, что за нимъ слѣдятъ, спокойно началъ свою молитву. По мѣрѣ того, какъ умъ преподобнаго возносился къ Богу, тѣло его начало отдѣляться отъ земли, и стоялъ онъ на воздухѣ все время, пока продолжалась его молитва (Чет.-Мин. ноября 4 д.). О преподобномъ Ѳеодорѣ Едесскомъ повѣствуется, что въ то время, когда онъ рукополагаемъ былъ въ епископа, лицо его сіяло, какъ

солнце (іюл. 9). Подобныя же сказанія находятся въ житіяхъ преп. Арсенія Великаго (мая 8) и Григорія Омиритакаго (дек. 19). И о преподобномъ Серафимѣ Саровскомъ рассказываютъ, что онъ часто просвѣтлялся въ время молитвы въ церкви.

Такова сила молитвы.

Отчего же ничего подобнаго не происходитъ съ нами, братіе, во время нашей молитвы? Отчего мы ни во время самой молитвы, ни послѣ нея не чувствуемъ никакого измѣненія, не во внѣшнемъ своемъ видѣ, желать чего было бы большимъ дерзновеніемъ съ нашей стороны; но отчего не чувствуемъ даже никакого измѣненія въ душѣ своей? Отчего она попрежнему остается безчувственною, хладною къ предметамъ міра духовнаго, попрежнему не преста-етъ вращаться въ суетахъ обыденной жизни, разсѣиваться по предметамъ суетнымъ? Отчего она не трепещетъ радостію, не пла-менѣетъ любовію къ Богу, къ ближнимъ, не ревнуетъ о собствен-номъ своемъ спасеніи, какъ это бываетъ у усердныхъ молитвенниковъ?

Много причинъ, почему молитвы наши не бываютъ услышаны Богомъ, не производятъ въ душѣ нашей надлежащаго дѣйствія.

Во-первыхъ, мы часто считаемъ молитвою то, что вовсе не составляетъ молитвы: сходимъ мы, напр., въ церковь, постоимъ, посмотримъ на иконы, на людей, на ихъ наряды, или постоимъ дома предъ иконами, покиваемъ головою, помахаемъ руками, про-говоримъ нѣсколько подчасъ непонятныхъ для насъ словъ,—и го-воримъ: помолились Богу. Это не молитва. Молитва есть возно-шеніе ума и сердца къ Богу; молиться—значитъ отложить всякое житейское попеченіе, отсѣчь всѣ суетные помыслы, весь умъ свой обратить къ Богу, всѣмъ сердцемъ прилѣпиться къ Нему. Только такая молитва можетъ привлечь на насъ благодать Божію. „Уста же безъ сердца, слово безъ разума и гласъ внѣшній безъ внутрен-няго сердечнаго усердія ничего не пользуют“,—учитъ одинъ свя-той отецъ (Тихонъ Задонскій). Такая молитва все равно, что ка-дило безъ огня и еиміама, что лампада безъ масла. „Сердце—глав-ное въ человѣкѣ, жизнь, больше—сердце наше есть самый человѣкъ“, говоритъ современный намъ великій молитвенникъ о. Іоаннъ Крон-штадскій: „Поэтому кто не молится или не служитъ Богу сердцемъ—тотъ все равно, что вовсе не молится, потому что тогда молится тѣло его, которое само по себѣ безъ души—то же, что земля. Пред-стоя на молитвѣ, мы предстоимъ Богу, имѣющему разумъ всѣхъ.

Поэтому и молитва наша должна быть, такъ сказать, вся духъ, вся разумъ“ (Дневн. о. прот. І. Серг.).

Во-вторыхъ, молитва наша бываетъ бесплодна потому, что мы приступаемъ къ ней безъ всякаго приготовленія. Между тѣмъ, если всякое дѣло, даже маловажное, для того, чтобы быть успѣшнымъ, требуетъ болѣе или менѣе тщательнаго приготовленія для своего совершенія, тѣмъ болѣе такое важное дѣло, какъ молитва. *Прежде даже не помолшися, уготови себе*, говоритъ премудрый сынъ Сираховъ (Сир. 18, 23). Самое же основательное и дѣйствительное приготовленіе къ молитвѣ, по ученію святыхъ отцевъ, состоитъ въ постоянномъ нравственномъ усовершенствованіи себя, въ удаленіи себя отъ грѣховъ. „Не столько осужденный боится приговора о казни его, сколько почтительный молитвенникъ страшится предстоянія на молитвѣ“, говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ: „посему, кто премудръ, и благоискусенъ, тотъ памятуя объ этомъ, можетъ избѣжать всякой укоризны, и гнѣва, и заботы, и скорби, и пресыщенія, и искушенія, и помысла“ (Сл. 28, 30). „Скажи мнѣ“, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ: „осмѣлился ли бы ты молиться, если бы ты замаралъ руки въ навозѣ или въ грязи? Никакъ. Но это не причинило бы тебѣ никакого вреда, а то оскверненіе, именно: нечистота, исходящая изъ устъ твоихъ, злословіе, хула, ругательство, гнѣвные слова, срамословіе, смѣхъ, насмѣшка—пагубно“.

Итакъ, для чего же ты въ дѣлахъ безразличныхъ опасливъ, а въ томъ, что запрещено, нерадивъ? Что же? скажешь ты: или не должно молиться? Должно,—только надо быть чистымъ и не оскверненнымъ... Если бы кто измаранными въ грязи руками держалъ тебя за ноги, умоляя о прощеніи, ты не только не сталъ бы слушать его, но и оттолкнулъ бы ногою; какъ же ты самъ дерзаешь въ такой нечистотѣ приступать къ Богу? Языкъ молящихъ есть рука, коею мы обнимаемъ колѣна Божіи, не оскверняй же его, дабы и тебѣ не сказалъ Господь: *егда прострете руки ваша ко Мнѣ, отвращу очи Мои отъ васъ, и аще умножите моленіе, не услышу васъ: руки бо ваши исполнены крове“* (Злат. Бесѣд. 51 на Матѹ.). Такъ и премудрый царь Соломонъ говоритъ: *уклоняяй ухо свое не послушати закона Господня, самъ молитву свою омерзилъ* (Прит. 28, 9). Итакъ, сердце чистое, незазорная совѣсть,—соблюденіе заповѣдей Божіихъ—вотъ непремѣнныя условія успѣха нашихъ молитвъ. Соблюдайте эти условія, и Господь услышитъ васъ.

Не приноситъ молитва плодовъ покоя и радости сердца весьма

часто и оттого, что мы молимся не о томъ, о чемъ должно молиться, не того у Бога просимъ, чего бы просить должно. Прежде всего и больше всего мы просимъ Бога о томъ, чтобы Онъ даровалъ здоровье, долгоденствіе, наградилъ бы насъ земнымъ довольствомъ и счастіемъ, просимъ болѣе всего благъ земныхъ, временныхъ, чувственныхъ, просимъ ихъ не для стяжанія живота вѣчнаго чрезъ правильное ихъ употребленіе, а для похотливаго наслажденія ими. Между тѣмъ, главнымъ предметомъ нашихъ молитвъ, нашихъ попеченій, желаній, воздыханій, помышленій должно быть царствіе Божіе, т. е. *правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Рим. 14, 17). *Ищите*, говоритъ Иисусъ Христосъ, *прежде царствія Божія и правды его и сія вся* (т. е. всѣ временныя блага) *приложатся вамъ* (Мѡ. 6, 32). Дивно ли послѣ сего, что Господь не внемлетъ намъ, и молитвы наши остаются безплодными. *Просите и не прие́млете*, говоритъ Апостоль, *зане злѣ просите, да въ сластехъ вашихъ иждивети* (Іак. 4, 3).

Для того, чтобы быть успѣшными, молитвы наши не должны ограничиваться однимъ какимъ-либо временемъ, но должны быть прилежными, непрестанными по заповѣди св. апостола: *непрестанно молитесь* (I Сол. 5, 17). „Молитва не есть какое-либо однократное, прерывчатое дѣйствіе, а есть состояніе духа постоянное и непрерывное, подобно тому, какъ постоянны и непрерывны въ тѣлѣ дыханіе и біеніе сердца“, говоритъ преосвященный Теофанъ Затворникъ. Но „молитесь непрестанно“, поясняетъ другой великій подвижникъ, „не то значить, чтобы всегда читать псалмы или молитвы написанныя и кланяться,—это невозможное дѣло, ибо всякому христіанину надобно дѣлать дѣло по званію своему. Молитесь непрестанно значить то, чтобы часто, во всякомъ начинаніи и дѣлѣ возводить умъ и сердце и воздыханіе къ Богу и просить у Него милости, помощи и заступленія“ (св. Тихонъ Задонск.). Непрестанно молиться значить непрестанно памятовать о Богѣ и предзрѣть Его всегда предъ собою, смотрящаго на всѣ дѣла, намѣренія, помышленія. Святые отцы такъ и дѣлали; они всегда, всю жизнь свою проводили въ молитвахъ, и, нужно сказать, многіе изъ нихъ только подъ конецъ жизни сподоблялись благодати Божіей. А мы хотимъ въ одинъ часъ, въ одинъ день достигъ того, что для другихъ составляло плодъ всей ихъ долготѣней жизни.

Если мы хотимъ, чтобы молитвы наши были угодны Богу и для души нашей благотворны и спасительны, мы должны возсылать

ихъ къ Богу съ вѣрою несумнѣнною, твердымъ упованіемъ, что получимъ просимое. *Вся, елика аще воспросите въ молитвъ вѣрующе, пріимете*, сказалъ Господь (Мѡ. 21, 22). *Аще имате вѣру и не усумнитесь*, сказалъ Онъ же, *аще и горъ сеі речете: двинися и верзися въ море, будетъ* (Мѡ. 21, 21). Неисправны наши молитвы и въ семъ отношеніи, ибо не рѣдко бываетъ, что мы молимся Богу, просимъ Его о чемъ-нибудь, но въ то же время не покидаемъ мысли пособить себѣ и другимъ какимъ-либо способомъ, рассчитываемымъ на свои собственные силы, на силы и помощь подобныхъ себѣ людей, и нерѣдко на нихъ большее упованіе возлагаемъ, нежели на силу и помощь Божію. Такое душевное настроеніе, такая раздвоенность мысли нисколько не могутъ содѣйствовать успѣху нашихъ молитвъ. „Худо“, говоритъ о. Іоаннъ Кронштадтскій: „худо, если во время самой молитвы сердце твое изнеможетъ въ вѣрѣ и не устоитъ въ ней, тогда и не думай, чтобы ты получилъ то, о чемъ просилъ Бога сомняся, потому что ты оскорбилъ Бога, а ругателю Богъ не даетъ даровъ своихъ“. Посему св. апостоль увѣщаваетъ: *да проситъ каждый человекъ съ вѣрою ничтоже сумняся: сумняйся же уподобился волненію морскому вѣтры возметаему и развѣваему. Да не мнитъ таковой человекъ, яко пріиметъ что отъ Бога* (Іак. 1, 6—7).

Наконецъ, для благоуспѣшности нашихъ молитвъ необходимо еще одно условіе: необходимо, чтобы мы возсылали свои молитвы отъ сердца сокрушеннаго и смиреннаго. Вспомните, притчу Спасителя о мытарѣ и фарисеѣ. Мытарь и фарисей стояли въ храмѣ на молитвѣ: мытарь оплакиваетъ предъ Богомъ свои грѣхи, фарисей перечисляетъ свои добродѣтели; мытарь не смѣетъ и очей своихъ возвести на небо, а фарисей съ самодовольствіемъ тщеславится своими добрыми дѣлами. И что же? Фарисей былъ отверженъ, а мытарь оправданъ, — *сниде сей оправданъ въ домъ свой паче онаго!* (Лук. 18, 14). Такъ пріятенъ Богу смиренный и смятенный видъ человекѣка—грѣшника. И Самъ Господь говоритъ чрезъ пророка: *на кою возрю, токмо кроткаю и молчаливаю и трепещущаю словесъ Моихъ* (Ис. 66, 12).

Итакъ, желаете ли, братіе, чтобы молитвы ваши были благоуспѣшны, благотворны для души вашей, молитесь съ вѣрою несумнѣнно, въ смиреніи, отъ чистаго сердца, молитесь о томъ, что согласно съ волею Божіей, что служитъ къ славѣ Его святаго имени, что спасительно для насъ и для ближнихъ нашихъ, молитесь неустанно съ терпѣливымъ упованіемъ, что рано или поздно дару-

еть вамъ Господь просимое. Только такая молитва достойна величія Божія и можетъ низвести на насъ даръ благодати столь необходимой для душевнаго преуспѣванія нашего и для жизни временной. Аминь.

Свящ. Николай Тихомировъ.

Поученіе въ недѣлю 10-ю по Пятидесятницѣ.

Молитва и постъ—вѣрныя средства противъ бѣсовъ и возбуждаемыхъ ими грѣховныхъ страстей.

Однажды къ Іисусу Христу подошелъ одинъ человѣкъ и, кланяясь Ему, сказалъ: „Господи! помилуй сына моего; онъ въ новомѣсячїи бѣснуется и тяжело страдаетъ,—то бросается въ огонь, то въ воду. Я приводилъ его къ ученикамъ Твоимъ, но они не могли исцѣлить его“. Іисусъ Христосъ велѣлъ привести бѣсноватаго къ Себѣ. Когда привели его, Онъ повелѣлъ бѣсу выйти изъ отрока, и отрокъ тотчасъ же выздоровѣлъ. Тогда ученики, приступивъ къ Іисусу Христу наединѣ, спросили Его: „Почему мы не могли выгнать бѣса?“ Іисусъ Христосъ отвѣчалъ: „По невѣрію вашему“ и, объяснивъ значеніе и достоинство вѣры, прибавилъ: *сей родъ не исходитъ, токмо молитвою и постомъ.*

Братіе-христїане! И нынѣ есть бѣсноватые: есть одержимые бѣсомъ злобы, бѣсомъ гордыни, бѣсомъ зависти, любостыжанія, любодѣянїя,—словомъ всякій, кто преданъ какой-либо страсти, творитъ какой-либо грѣхъ, есть бѣсноватый, находится подъ вліяніемъ бѣса, исполняетъ его внушенія. Объ этомъ вѣщаетъ намъ и слово Божіе, и свв. отцы церкви. *Всякъ, творяй грѣхъ, отъ діавола есть* (І Іоан. 3, 8), говоритъ св. апостоль Іоаннъ Богословъ. „Душа человѣка“, повѣствуетъ св. Нилъ, „находится посреди ангела и бѣса; ангелъ учитъ добродѣтели, а бѣсъ—грѣху“ (см. повѣсть св. Нила въ прологѣ іюля 1-го дня). „Сатана сѣетъ въ душѣ человѣка помыслы блуда, помыслы злословія и другія страсти; къ какой страсти душа покажетъ себя склонною, ту страсть бѣсъ и внушаетъ душѣ“, говоритъ другой преподобный отецъ (Авва Матой. Дост. сказ. о свв. и блаж. отц. стр. 194, 4). Сатана возбуждаетъ въ душѣ человѣка холодность къ вѣрѣ, презрѣніе къ закону Божію, онъ внушаетъ грѣховныя мечтанія, нечистыя помыслы, поселяетъ необузданныя покушенія на самыя страшныя беззаконія. И горе было бы намъ, если бъ мы не имѣли никакихъ средствъ къ отраженію козней сего исконнаго врага рода человѣческаго. Но средства дарованы намъ,